

ВОЙНЫ XXI ВЕКА

Михаил Федоров

ГЕРОИ СИРИИ

**СИМВОЛЫ
РОССИЙСКОГО
МУЖЕСТВА**

Войны XXI века (Вече)

Михаил Федоров

**Герои Сирии. Символы
российского мужества**

«ВЕЧЕ»

2020

Федоров М. И.

Герои Сирии. Символы российского мужества / М. И. Федоров — «ВЕЧЕ», 2020 — (Войны XXI века (Вече))

ISBN 978-5-4484-8337-0

Книга Михаила Федорова «Герои Сирии» рассказывает о российских военных, которые погибли при защите мира в Сирийской Арабской Республике: о майоре Романе Филипове, чей поступок всколыхнул всю страну; о старшем лейтенанте Александре Прохоренко, вызвавшем огонь на себя; о начальнике разведки гаубичного дивизиона капитане Марате Ахметшине, который остановил боевиков под Пальмирой; о командире Кореновского вертолетного полка полковнике Ряфате Хабибуллине, который бросился на спасение сирийцев; о подполковнике из Липецкого авиацентра Олеге Пешкове и его штурмане майоре Константине Мурахтине, сбитых турецким самолетом; о боевом летчике майоре Дмитрие Линнике, прошедшем две Чеченские войны и воевавшем в Сирии.

ISBN 978-5-4484-8337-0

© Федоров М. И., 2020

© ВЕЧЕ, 2020

Содержание

Роман Филипов[1]	6
«Это вам за пацанов!»	6
Истоки героя	19
Классный руководитель Людмила Лазарева	19
Учитель математики Инна Литвинова	24
Одноклассник Романа	27
Дед Романа	29
Отец Романа	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Михаил Иванович Федоров

Герои Сирии. Символы русского мужества

© Федоров М.И., 2020

© ООО «Издательство «Вече», 2020

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2020

Сайт издательства www.veche.ru

Роман Филипов¹

«Это вам за пацанов!»

1

Новости СМИ шли как бы стороной, пока не зазвенел звоночек: в Сирии снова попал в переплет наш самолет... летчик катапультировался... принял бой...

Интернет пестрел всякими странностями: от горя «наших» до радости фашиствующих «укропов»... И я вроде слышу все и, может, ношу в сердце, но пока ничто не толкает к активным шагам, пока не зазвучало: тело везут в Воронеж.

«Похоронят в моем городе».

Меня как подняло. Еще не было пяти утра, а я оказался за компьютером и жадно-жадно впитывал все, что там было об этом событии.

Вот на видео «птичка» самолета заиграла пламенем. А она летит. Пламя, как из сопла. «Птичка» выпала из поля экрана...

Другое видео: клуб черного дыма за горой взлетел вверх. Там самолет взорвался.

Видео: парашют плавно парит. Похоже на тренировку, если бы не выстрелы. Стреляют в летчика.

Вот какая-то рыжая возвышенность. Снега нет. Ясно, что где-то далеко на юге. С разных сторон сбегаются к валуну черные фигуры. Вот собрались в круг за камнем.

Громила с повязкой на голове с автоматом спрятался невдалеке за деревом. Другой чуть вышел вперед, но к валуну не приближается.

Раздался хлопок.

Из-за валуна взлетело два дымка.

Тот, что с повязкой на голове, лег... А тех, кто был за валуном, как не было... Лишь один отлетел в сторону... А другой кинулся бежать...

Теперь я понял, что сделал тот, кто оказался за камнем: подорвал себя и этих в черном.

Интернет пестрит: перед хлопком раздался крик: «Это вам за пацанов!»

Самое простое. И самое родное.

Как в подтверждение, на сайте «Красной звезды» прочитал рассказ того, кто летел в паре со сбитым летчиком:

«— Голос у него не дрогнул, когда я предупредил: “По тебе работают! Выводи! Тангаж², тангаж! Маневрируй!”

— Да, вижу! — ответил ведущий.

А потом так спокойно, словно это было сказано о чем-то обыденном и второстепенном:

— В меня попали...

И следом:

— Хорошо попали... Пожар правого... Тяну на юг... И левый становится...

И секунд через двадцать — крайнее:

¹ Роман Николаевич Филипов (13 августа 1984 г., Воронеж, СССР – 3 февраля 2018 г., близ Серакиба, Идлиб, Сирия), российский военный летчик, заместитель командира эскадрильи 187-го гвардейского штурмового авиационного полка, гвардии майор. Герой Российской Федерации.

² Тангаж (*фр.* tangage – килевая качка) – угловое движение летательного аппарата относительно главной (горизонтальной) поперечной оси инерции.

– Вызывай поисково-спасательный отряд...

– А что было дальше? – ведомый... командира звена штурмовиков Су-25СМ замолчал.

А потом, посмотрев мне в глаза, продолжил:

– А дальше были крайние слова: “Уходи в облака”. Конечно, я не ушел. Бросить командира – последнее дело».

Я понял: в Сирии сбили наш самолет.

Взгляд летел ниже по сайту армейской газеты:

«Когда ПЗРК сработал по машине командира, все условности были отброшены, – продолжал рассказ летчик. – Я всегда прикрывал командира в воздухе, надо было это сделать и на земле, когда он уже принял бой. Остался в этом районе и выполнил несколько атак, отработал по машинам, которые приближались к оливковой роще, где был Роман. Уничтожил два автомобиля. В то же время продолжал передавать на КП координаты, вызывал поисково-спасательную службу. Место приземления командира я видел, но самого боя – нет, были сумерки... Уходить пришлось с аварийным остатком топлива, хватавшим только дотянуть до аэродрома...»

Он ушел... И правильно, спору нет.

А потом был валун... и хлопок...

Интернет выбрасывает видео с крылом со звездочкой российского Су-25...

Кто сбитый летчик?..

Роман Филипов...

Только теперь глянул в окно: еще чернела ночь, под фонарями перевозданно белело, а снежинки испещрили весь видимый простор.

2

Еще не наступило восьми, как начал звонить знакомым военным и незнакомым. И узнавал: прощание в Доме офицеров. В каком? Их в городе два – один настоящий, который с чьей-то больной головы отдал гражданским; другой – в построенном немцами военном городке. Похороны на Коминтерновском кладбище завтра.

Стал собираться.

Хотелось быть рядом со всем тем, что так или иначе связано с незнакомым мне летчиком.

Чуть не поскользнувшись, запрыгнул на подножку автобуса. Ехал и следил за входящими и выходящими людьми, которым не было никакого дела до обуревавших меня мыслей и чувств, а перед глазами чередовались: «птичка» с пламенем сзади, парящий парашют, черный столб дыма, валун, облепленный черными фигурами. Как слышался крик: «Это вам за пацанов!», хлопок.

И – два взлетевших дымка.

Как наяву пел Высоцкий:

Я – «Як»-истребитель,
Мотор мой звенит,
Небо – моя обитель,
Но тот, который во мне сидит,
Считает, что он – истребитель.

Одна улица сменялась другой, одна часть автобуса пустела, наполнялась другая, а Высоцкий пел:

В этом бою мною «юнкерс» сбит, —
Я сделал с ним, что хотел.

А тот, который во мне сидит,
Изрядно мне надоел.

Я в прошлом бою навывлет прошит,
Меня механик заштопал,
Но тот, который во мне сидит,
Опять заставляет – в «штопор».

Переехали мост, спускались под горку и снова поднимались.
Высоцкий:

Терпению машины бывает предел,
И время его истекло.
Но тот, который во мне сидел,
Вдруг ткнулся лицом в стекло.

Убит! Наконец-то лечу налегке,
Последние силы жгу.
Но... что это, что?! Я в глубоком пике
И выйти никак не могу!

Может, кто-то и посматривал на лицо пассажира, на котором выплескивались бушевавшие внутри страсти, но я этого не замечал.

Высоцкий:

Досадно, что сам я немного успел,
Но пусть повезет другому.
Выходит, я напоследок спел:
«Мир вашему дому!»

Со словами Высоцкого ступил на скользкий, испещренный парящими снежинками тротуар. И где скользя, где проваливаясь в снег, где еле удерживаясь, шел в сторону серой кромки с нежно-голубой часоуенкой, перед которой чистили дорожки от снега мужики в рыжих куртках.

3

Температура «кружилась» около минуса, но под снегом чавкала жижа, и я вскоре почувствовал, что промокают ноги. При входе в ворота кладбища увидел группы курсантов, которые лопатами «грызли» еще твердый наст, а где и лед, и их подгонял норовистый подполковник.

«Смогут ли они очистить, да и стоит ли – раз снег “капал” и “капал”, как дождь», – подумал я.

Старался идти по твердому покрову, выглядывал свежую кучу земли, но ее не видел. Заметил горку из венков вокруг недавней могилы. Прочитав в лунке венков на табличке «Копылов Юрий Львович...»³, понял: лежит тело погибшего в октябре прошлого года летчика. В сторонке на пустырьке сновали мужики и валялись грудой лопаты.

³ В Воронеже 13 октября 2017 г. прошла гражданская панихида по погибшему в Сирии штурману Юрию Копылову. Трагедия случилась 10 октября. Юрий Копылов в тот день находился на службе, его бомбардировщик Су-24 должен был вылететь с авиабазы Хмеймим в Сирии для бомбардировок позиций ИГИЛ, но выкатился за пределы взлетно-посадочной

«Теперь около одного ляжет и другой».

Смотрел на расчищенный от снега пяточок, и слова: «Здравствуй, Роман...» кружили в голове.

Хотя как здравствуй?

Но для меня – здравствуй.

Я видел место именно для Романа. А значит, и как бы его...

А в сторону уходила Аллея летчиков.

«Опасная профессия у летчика. Если пехотинец, танкист, вас много. А летчик – он один, разве еще с тобой ведомый».

На меня поглядывали копачи, прибежал подполковник, фотографировал очищенный участок и, видимо, своим командирам отправлял фото.

Нетронутый клочок земли молчал, ожидая момента, когда его покой разбудят лопаты и когда он обнимет Романа уже навечно.

Я уже многое знал.

Что у Романа жена по имени Ольга, что маленькая дочурка...

Что он с 1-й по 11-й класс учился в школе, которая была в километре от кладбища.

СМИ передавали, что школе присвоили имя Романа и должны были повесить памятную доску.

Мне захотелось пройти в школу.

Выйдя с погоста, повернул на тропку в заснеженном тротуаре и, думая, сколько же горожан сегодня упадет на этом ледяном покрове, шел вдоль проспекта, ловил языком снежинки, и теперь звучал куплет из другой песни Высоцкого:

...Он был чистого слога слуга, слуга.
Он писал ей стихи на снегу, на снегу —
К сожалению, тают снега, снега.

Но тогда еще был снегопад, снегопад...

Я не знал жену Романа, но почему-то и она мне тоже была близка.

И не заметил, как пересек одну улицу, другую, и в оправе высотных домов появилась спрятавшаяся от ветров и шума школа.

Около ступенек «грызли» снег курсанты.

«Тоже готовится мероприятие».

Надеялся на стенке при входе увидеть памятную доску, но ее не оказалось.

Зайдя в школу и объяснившись с охранником, оказался в приемной директора. Спросил у юной секретарши:

«Скажите, а что насчет памятной доски летчику...»

Секретарь: «Все так неожиданно... И как доску привезут, ее сразу повесят...»

А поняв, что мне интересен сам выпускник: «Вы можете поговорить с классной учительницей».

Через пару минут я уже поднимался на второй этаж, по которому беззаботно бегали школяры, а на стенке висела стенгазета в память бывшего ученика этой школы.

В конце коридора с чернявой учительницей говорили двое мужчин, как я догадался, – она имела отношение к Роману. Но разговора с ней не получилось – на этаже появились операторы с треногами и камерами. Телевизионщики снимали сюжет, и я понял, что пришел не вовремя, извинился и удалился.

Но не горевал: шел по коридорам, по которым бегал школьником Роман, и поглядывал на двери в классы.

В нем занимался?

А в этом?

В этом...

Я продолжал идти по жизни Романа...

Выйдя из школы, увидел, что работа курсантов близилась к завершению.

Хотел направиться к военному городку и Дому офицеров посмотреть, может, гроб с телом привезли, и раньше всех с ним проститься, но потянуло назад. И снова проделывал пройденную дорогу, в голове звучали слова:

...А он шутил – не дошутил,
Недораспробовал вино,
И даже недопригубил.

Подойдя к кладбищу, поразился: курсанты «отгрызли» наледи и наросты; сгребли рыжеватое месиво в кучи и разве что нижний слой какой-то сыпучей смеси снять не смогли. А их по-прежнему подгонял подполковник.

Рядом с пятачком будущей могилы Романа из трубок собирали каркас для навеса работы.

И Аллея военных летчиков оказалась предельно чистой. Снег уже не сыпал, а еле-еле падал. Теперь, может, вместе с подполковником и курсантами подумал: «Только бы ночью не пошел, чтобы не пришлось заново очищать...»

Физически чувствовал присутствие летчика, который должен занять здесь место.

Так стремительно вошел в мою жизнь Роман Филипов, и я нисколько не пожалел, что прожил с ним целый день.

4

На следующий день единственный план: проститься с Романом. С утра позвонил в Дом офицеров, и мне сказали:

– Прощание в одиннадцать...

Но решил приехать пораньше. Ехал на автобусе и удивлялся: куда-то делся вчерашний нежно-пушистый снежок – этот белый дождик. Вчерашние белые просторы испещрили рыжие полосы и клоки расчищенных за ночь улиц.

Вот появилась часовенка и за ней вход на кладбище:

– Там последний приют...

Я ехал по направлению выезда из города. Улица расширилась: в желоб высотных домов легло шоссе. Вот впереди показался навесной переход. Я спрыгнул с порожка салона, за стайкой офицеров в летной форме подошел к башне, поднялся по спирали лестницы наверх и перешел автомобильную трассу.

Вдали чернела строчка забора вокруг большого, как два футбольные поля, белоснежного пространства, которое охватило заостренный и вместе с тем как обрубленный, чем-то похожий на профиль самолета Дом офицеров.

Перед ним дочищали снег курсанты.

Я невольно подумал: сколько же снега вывезли! И не сомневался, что если бы его оказалось больше, его бы тоже убрали.

Перед изгородью стояли где в одиночку, где группками люди.

Я посмотрел на сотовый: 9 часов 15 минут...

Испугался: неужели опоздал?! Все ведь могло случиться. Но понял: прощание не началось.

Теперь ходил вдоль ограды и смотрел, кто собрался. В одной стороне стояла коробка кадетов Михайловского кадетского корпуса в черных шапках и шинелях. Я с ними поговорил. Они мне были дороги: когда-то в полном актовом зале встречался с ними и рассказывал про Гавриила Троепольского, а позже защищал в суде их директора.

Невдалеке ежились в куртках кадеты Горожанского кадетского корпуса.

К изгороди приткнулись школьники с цветками в руках.

Сновали казаки в зеленых камуфляжных одеждах, моряки – в черных шинелях, летчики – в голубых, всех возрастов женщины, мужчины – с букетами цветов и несколькими гвоздичками.

Никого не пропускали на поле к Дому офицеров полицейские и курсанты.

Вспомнил, как в бытность учебы в военном заведении стоял в оцеплении на Красной площади в Москве и никого не пропускал, как перед цепочкой оцепления остановился «ЗИМ» с маршалом Баграмяном, как к машине подскочил начальник курса, воевавший в Великую Отечественную в войсках маршала и посчитавший за счастье провести сквозь кордон своего командующего фронтом.

Но здесь маршалов не было, а собрались большей частью простые люди. Хотя нет-нет и появлялся какой-нибудь местный «маршал» – генерал и его пропускали, или какие-нибудь чиновники среднего полета. Встретил знакомого редактора газеты, фотокора, бывшего соседа по дому, они не усидели на работе.

Внутри пел Высоцкий:

...Он знать хотел все от и до,
Но не добрался он, не до...

Ни до догадки, ни до дна, до дна,
Не докопался до глубин,
А ту, которая одна, —
Недолюбил!..

Время шло.

9 часов 55 минут...

10 часов 18 минут...

10 часов 33 минуты...

Я понял, что в 10 часов прощание не началось, но теперь надеялся, что начнется в 11.

Морозило. А люди прибывали. Уже нельзя было свободно пройти, приходилось обходить. Поеживался в куртке, видя, как мерзнут налегке одетые люди, а редактор вытирал платком нос, а бывший сосед по дому – фотокор уже переступал с ноги на ногу.

Вот пронеслось:

– Они летят из Чкаловска...

Прояснялось: тело Романа в Москве и сначала там должны попрощаться.

При каком-нибудь подневольном мероприятии подобное известие вызвало бы возгласы недовольства и отток людей, а тут все воспринимали с молчанием. И если и уходили, то единицы, кто вырвался с работы, а кто и в близлежащий торговый центр погреться и вернуться.

Вот появились операторы с камерами.

Я понял:

11 часов...

Мне же говорили, что начнется прощание в это время.

Но что-то никого на поле не пропускали. Видно было, как боролись люди с холодом: кто припрыгивал, кто махал руками, кто поднимал воротник пальто или куртки, кто сильнее натягивал кепку, а кто – фуражку, кто курил.

Можно было подумать, что мороз разгонит людей, но не тут-то было.

Вот к клубу откуда-то сбоку подъехала черная легковая машина.

«Но это не катафалк».

Вот в толпе появились знамена.

«Пришли со своей атрибутикой».

Теперь я еле проходил по разросшейся, уплотнившейся толпе людей, заполнившей кроме тротуара проезжую часть.

Бубнил Высоцкого, присматривался к венкам.

«Даже от Союза добровольцев Донбасса».

Люди, несмотря на мороз, ждали.

Вот возникло оживление: всю журналистскую братию пропустили, и они прошли к Дому офицеров и стали сбоку от ступеней, а перед ними вытянулась цепочка из полицейских и курсантов, перекрывая путь и очерчивая подход к двум стойкам, какие стояли при входе на вокзалы.

«Будут досматривать».

Отметил: 11 часов 10 минут...

Вот к журналистам подошел генерал и стал накачивать: так не снимать, это не снимать, это нельзя, то. Вот пропустили через оцепление школьников, и дети каждый с двумя гвоздичками в руке быстро пошли по дорожке к клубу.

Я мысленно попросил: «Только бы не заболели».

Народ стоял плотной стеной, как бы подавшись к двум дорожкам, которые вели к Дому офицеров. Уже протиснуться было невозможно. Все в напряжении молчали. И пробегало: «Ну, прилетел борт из Чкаловска или не прилетел?» В этой сбившейся на всю длину забора массе людей становилось теплее.

Вот слышались звуки сирены.

Подумал: «Едут».

Глянул на сотовый: 11 часов 56 минут.

Но ошибся: откуда-то сбоку к порожкам клуба выехал темно-синий микроавтобус «Форд», и за ним – черная иномарка.

Из машин вышли и прошли в Дом офицеров люди в военной и гражданской одежде. Среди них мелькнуло лицо губернатора, а позади гостей в гражданском шел бывший командующий военно-воздушными силами. Машины сдали на край площадки.

Но все равно становилось ясно: вскоре должен появиться и тот, кого все ждали.

Минут через восемь заревела сирена и уже ко входу выехали два черных микроавтобуса.

Все замерли. Видно было, как операторы повернули в сторону камеры: им запретили снимать. Стояла такая тишина, что слышался «шелест» шин проезжавших по проспекту машин.

Шестеро военных в голубой форме достали из катафалка блестящий коричневым лаком гроб, покрытый флагом страны, на котором лежала летная фуражка, и медленно понесли в клуб.

Поднявшись на ступени, подошли к входным дверям.

Внутри пробило, как курантами: 12 часов 10 минут.

Кто-то крикнул:

– Не сбейте фуражку...

Несущие чуть опустили гроб и скрылись в проходе.

Катафалк отъехал в сторону.

5

Колонна промерзших, но не спасовавших перед морозом людей тронулась от ворот в ограждении на поле.

Впереди шли мужчины в военном камуфляже со знаменем.

Люди подходили к аркам металлоискателей, их досматривали, они поднимались по ступеням в Дом офицеров.

Здание поглощало людей, а поток от ворот нарастал. Словно открыли шлюз, и скопившаяся масса теперь вываливалась на площадь перед клубом. Одну колонну дополнила вторая.

Появилось много военных в летной форме. Они зашли в боковые проходы, заполняя поле.

Операторы и журналисты забрались на бугор снимать скопившихся людей.

Их стали сгонять:

– Операторы! Спуститесь вниз! Здесь не разрешено...

А как не заснять невиданное для города скопление? И эта масса тихо-тихо пододвигалась к пропускным пунктам.

Я заметил бабушку с внучкой.

«Какая молодец! Девочка запомнит это событие на всю жизнь».

Время тянулось.

Я приседал, согревался.

«... недошутил... недопригубил... не дорешил...» – пел.

На часах час дня. Толпа еле-еле продвигалась вперед.

Двигались кадеты...

«Мальчики простояли четыре часа на морозе и не ушли».

А своего соседа по дому фотокора и редактора не видел. Не выдержали.

Я сам не замечал течение времени. Может, кто-то и ругался на препятствие, сдерживающее ход, но терпел и понимал, что нужно пройти досмотр – так безопаснее.

Глаза разбегались от многообразия людей. Словно сюда собрались все возраста, все профессии.

Дух захватывало от людского порыва бросить все, прийти, простоять на морозе и дожидаться. На моих глазах происходило одно из важнейших событий города.

Вот снова движение застопорилось. А когда вышел из Дома офицеров местный митрополит и сел в черный лимузин, находящийся у порога, все поняли: что-то в Доме офицеров происходило. А потом пробежало: «Митинг провели. Выступал владыка, говорили военачальники...»

От этого стало немножко не по себе.

Случилось действительно трагичное событие. Люди пришли проводить и склонить головы. Все видели естественную реакцию простых людей. Звучавший в моей голове Высоцкий, как лакмусовая бумажка, высвечивал и накладывался на происходящее. Он совпадал с чувствами людей, сливался с ними своей подлинностью.

Высоцкий в свое время противостоял всей фальши, вранью, всему официозу. Противостоял подлинностью чувств при жизни. Теперь он снова противостоял.

Люди шли не потому, что кто-то одобрял – не одобрял власть, а шли, понимая, что сложил голову свой молодой парень, выходец из народа, его кровь и плоть, да и сложил за правое дело.

Присутствовало ощущение какой-то правды, с которой человек хочет быть. Он не хочет быть с чем-то фальшивым.

Смерть человека, который такое решение принял, на что пошел, это воспринималось, как нечто человечески подлинное.

И люди ждали...

Снова потекли ручейки людей через металлоискатели. Кто только не шел! Даже колонна из полицейских. Они дожидались. У них тоже в свое время гибли сослуживцы в Чечне, а теперь, в мирное время – на посту. И кто-то тоже был героем. Только если подвиг Романа облетел и всколыхнул всю страну, то подвиг полицейского мог остаться в тени.

Я не припоминал случая, когда вот так по внутреннему порыву собралось на прощание столько людей. И не видно конца потоку. Прибывали новые и новые.

Время текло...

Вот два часа...

Два тридцать...

Вход в клуб обрастал венками.

Понял: «Не хватило места в зале и их выставили на улице».

6

Вот поднялся по ступеням, вошел в холл, наполненный военными летчиками, и в потоке людей двигался на звуки тихой мелодии.

Оказался в зале, увешанном красными полотнищами. Вдоль одной стены в ряд друг к другу жались венки, которые углом уходили на другую стену, и там на рядах стульев сидели близкие летчика.

По центру стоял почетный караул и между солдатами на постаменте отливала лаком покрытый знаменем гроб с летной фуражкой наверху.

Люди шли по двум алым дорожкам.

Вот к гробу подошла бабушка и положила две гвоздички.

Вот – омоновец сделал руки по швам.

Мужчина в куртке с капюшоном остановился и, посмотрев на родных летчика, поклонился.

Люди шли потоком...

Наконец приблизился и я. Невольно в глазах бежали венки по стенам. Их было с полсотни. «А еще на улице», – вспомнил я венки при входе.

Цветы выросли горкой перед гробом, и их то и дело охапками относил в сторону майор. Я шел, а внутри что-то с силой поднималось.

Передо мной все четче высвечивался фотопортрет почему-то очень знакомого мне человека с гордой осанкой. Он как бы смотрел в сторону. Он словно отвел взгляд: не смотрите на меня. И от этой скромности становилось еще горше. Может, также смотрели на него все остальные, а он – чуть отводя взгляд. Отводя его от каждого. Может, упрекая: что ж вы... Не спасли меня...

Накатывало и слепило глаза от света и влаги. И вот я остановился и, обводя глазами седовласых людей на скамьях, может, его отца и мать, его тещу и жену – молодую женщину – в черных платках, я склонил голову. Меня немного качало, а уже сбоку кто-то толкал: проходите, проходите. Как-то автоматически рука прижалась к груди, и тем, кого *он* «не долюбил...», к кому *он* «не доспешил», для кого *он* «не дорешил», вылетело:

– Спасибо...

В этих словах я еще не сознавал, что вкладывал. Они вылетели откуда-то из глубины. И морщась, со вздрагивавшей непроизвольно щекой шагнул в сторону, и мало кого видя впереди, вышел в соседний проход.

И прозревал: спасибо, что вырастили такого парня.

Что любили...

Что родилась дочь...

Что народ всколыхнуло, что тысячи людей шли и шли...

Что в каждом возникло сострадание к летчику, которого многие теперь называли, кто своим сыном, кто своим внуком, своим-своим...

И жутко становилось от этой мысли, что гибель многое проявила... Истинное самосознание моего народа.

Зашел в зал, где на креслах сидели курсанты. Они теперь лучше понимали жизнь своего города.

А на рояле на сцене росла горка цветов.

Вышел на свежий воздух, а легкие воздуха не хотели. Не хотели воздуха нового. Хотели сохранить в легких воздух, с которым так или иначе соприкасался Роман Филипов, оставшийся в траурном зале.

Я обошел здание. Хвостик последних прощавшихся уходил в клуб. На моих часах было три часа дня.

С левой стороны от входа вытянулся почетный караул из взводов трех родов войск.

Он ждал выноса тела летчика...

Крутились операторы и журналисты. И в сторонке стоял кортеж.

Прозвучало новое цеу: вынос гроба снимать не разрешат, и я не стал дожидаться, а сразу уехал на кладбище.

7

Какое счастье, если тебя будет, кому похоронить! Какое счастье, когда придет на прощание десять человек! А еще повезет – под сотню... А вот если несколько тысяч, как к летчику Роману... С такими мыслями я ехал на Коминтерновское кладбище и видел, как стопорились в пробках машины, проезжавшие мимо въезда на погост, словно транспорт отдавал дань памяти.

А на душе снова пел Высоцкий:

...Может, были с судьбой нелады, нелады
И со случаем плохи дела, дела —
А тугая струна на лады, на лады
С незаметным изъязном легла.

Он начал робко – с ноты «до»,
Но не допел ее, не до...
Не дозвучал его аккорд, аккорд...

Дорогу чуть не перекрыли вывалившие на проезжую часть люди. Они запрудили все дорожки и площадки.

Здесь тоже увидел тысячи.

Часовенку кольцом окружили.

– Будут отпевать...

Две бабушки ждали с часу дня. Выходило, они на морозе простояли больше двух часов.

«А я шесть. И ничего: живым остался...»

Уже не чувствовал холода – мой организм перешел на какой-то режим, что либо охладел так, что больше некуда, либо, наоборот, с холодом справлялся.

Все снова ждали. Ждать приходилось неизвестно сколько.

Но вот загудела сирена.

«Едут».

Вскоре появился кортеж.

Вот крайняя машина развернулась, сдала задней стенкой.

К ней пробежал дьячок в белой рясе с послушником и горящими свечами и кадилом в руках.

Дверца открылась.

Шестеро летчиков под траурную музыку по узкой дорожке между взобравшихся на кучи снега по бокам людей понесли на плечах гроб.

Они шли медленно. На этот раз Роман Филипов не неся, как в своем штурмовике, а плыл, как плывет корабль по тихой воде, и я слышал, как всхлипывали рядом стоящие бабули. И у самого снова повлажнили глаза. Хотелось выкрикнуть: да что же такое, когда уходят из жизни совсем молодые парни, которым жить и жить!

И как-то зазвучало: он погиб за тебя, за бабуль, за всех собравшихся здесь и за всех, кто так или иначе теперь страдает.

Другой возразит: но как же – то в Сирии...

Да, в Сирии... Чтобы не пришли сюда «головорезы»...

Гроб поднесли к высокой лесенке, он стал набирать, как небольшой летательный аппарат, свою последнюю высоту, и вот скрылся в распахнутых воротах часовенки.

Народ как стоял около входа, так и не отходил.

Журналистов и операторов растолкали на аллее по двум карманам. Вдали виднелся шатер у могилы, но туда подходить запретили, разрешили разве что снять пронос тела. Уже мало кто из пришедших на прощание в 9 утра чувствовал холод – каждый внутренне закалился.

Полковник гонял курсантов, расставляя их вдоль аллеи.

Вот курсант побежал от ворот кладбища, разбрасывая гвоздики. Все готовилось к последнему пути летчика. Если в первой половине дня огромная масса людей заполняла пространство перед Домом офицеров, то теперь – все видимое – перед воротами в кладбище. Сюда никого не впускали.

Я глянул на часы.

16 часов 20 минут.

Зазвучала траурная музыка.

Пронесли венки.

Прошел вперед почетный караул.

Вот траурная процессия вышла на аллею. Впереди офицер нес портрет Романа.

За ним снова несли венки. Потом три офицера – награды на подушечках.

Подполковник высоко держал деревянный крест с табличкой:

«Филипов

Роман

Николаевич

13.08.1984 – 03.02.2018»

За ним офицеры на плечах несли гроб, все так же покрытый флагом, и поверх лежала фуражка, а их сопровождали четыре солдата из роты почетного караула с карабинами.

8

Операторы взобрались на стенки ограждения аллеи и сверху снимали, фиксируя последние метры налетавшего тысячи километров летчика, которые подводили итог его жизни. Дальше шли священнослужители в белых одеждах, тянулась нескончаемая колонна людей.

Молодые и старые, военные и гражданские, кто-то переставлял палочку, кто с розами, кто с гвоздиками, кто вел внучку, а один молодой человек без головного убора нес годовалого ребенка на руках.

В людской массе прошел военный оркестр.
Людей остановили, не доходя до могилы.
Родственникам разрешили пройти ближе.
В конце колонны мужчина катил велосипед.
В форме старшего мичмана поддерживал седого усача в вязаной шапочке.
– Я вот не знаю, как сам бы поступил... – обсуждали они подрыв гранатой Романом себя и боевиков.

Многие не знали, кто и на какой шаг решится в этой ситуации.

Вот журналистов, обходя колонну по снежным обочинам, провели вперед, где в стороне от могилы выстроились курсанты с автоматами.

Все замерли.

«Сейчас опустят гроб в могилу и прогремит салют».

Подполковник взмахнул рукой, раздались выстрелы...

Романа предали земле...

Следом оркестр заиграл «Прощание славянки» и мимо расступившихся людей маршем прошла рота почетного караула.

Я молчал. Мне хотелось пройти к шатру. Бросить свою горсть земли в могилу. Сказать слова.

Услышать других...

С грудной болью расходились...

Но это не умаляло значения Романа Филипова для людей, разве что в который раз пришлось прочувствовать, что есть любовь народная.

На следующий день я позвонил в школу:

– Будут ли устанавливать доску...

Но мне внятного ничего не ответили...

Ну что ж!

Главное – простился с Романом, а вернее, зацепил его для себя на всю жизнь.

С ним уже жил два дня. И теперь понесу его с собой. И ничего страшного, что я не побуду на открытии его доски, где будут выступать люди, которые на похоронах, может, и были, но быстро с них ушли, а я продержался с 9 утра до 5 вечера и этим был удовлетворен. Как удовлетворены тысячи других, продержавшихся на морозе, чтобы сказать: «Прощай...» – пожилых, взрослых, молодых, кадетов, школьников, детей. Весь мой город.

Вскоре в Интернете прочитал, что доску открыли.

«Ну и хорошо», – вздохнул я.

А Высоцкий пел:

Конь на скаку и птица в лет...

СМИ передали репортаж того, что я не мог увидеть ни у Дома офицеров, ни на кладбище: «Ранее утро. Аэродром Чкаловский. С Романом Филиповым прощаются министр обороны Шойгу. Военачальники, военные».

Это было в день похорон до прилета в Воронеж.

Выступил заместитель министра обороны Николай Панков.

Он сказал:

«Майор Филипов с гордостью выполнил свой воинский долг. Сохранил верность присяге. Принес себя в жертву в борьбе с врагом. И тем самым поставил себя в первый ряд лучших защитников Отечества...»

В репортаже звучало:

«Ил-76 берет курс на Воронеж и через час приземляется на аэродроме местного авиазавода... Кортёж медленно направляется в центр города...»

Я вспомнил, как в это время тысячи людей ждали кортеж.

В репортаже передали, как в Доме офицеров выступил командующий Военно-космическими силами Герой России Сергей Суровикин:

«Роман боролся самоотверженно с международным терроризмом. Защищал от терроризма свою страну. Свой народ. Свою семью. Своим подвигом Роман навсегда останется в истории военной авиации. И армии России...»

Показали губернатора, как он передал памятную доску директору школы.

Как выступила классный руководитель летчика Людмила Лазарева:

«Болью и скорбью переполняются наши сердца. Мы помним Романа, как отзывчивого, очень исполнительного, обязательного, честного, порядочного парня. Он был не по-детски серьезен, и вместе с тем светлым мальчишкой с обаятельной улыбкой».

Все это кирпичиками откладывалось в моем сознании, и я жадно читал новые и новые сообщения. 23 февраля 2018 года Президент Путин в Георгиевском зале Кремля вручил звезду Героя отцу, матери и жене погибшего майора Филипова.

На вручении отец летчика сказал:

«Роман с юных лет мечтал стать летчиком. Его мечта сбылась. Он понимал, что такое офицерская честь и достоинство. Он боролся с большим злом – международным терроризмом и, когда пробил час, выполнил воинский долг до конца. Только теперь я понял, сколько у Романа друзей. Нас окружили заботой и вниманием командование, сослуживцы, офицеры. Нас поддерживают незнакомые совсем нам люди со всех регионов страны. Спасибо всем за это. Я горжусь своим сыном. Я горжусь нашей армией. Я горжусь нашей Великой Родиной Россией».

Мы увидели, как глава государства обнял отца Романа.

1 марта 2018 года по всем каналам телевидения передали, как Президент Путин во время ежегодного послания Федеральному собранию произнес:

«Таких летчиков, как майор Филипов, у них (намекал на противников. – Авт.) не было и не будет, а у нас есть...»

Весь зал стоя, а кто смотрел выступление по телевизору или слушал по радио, тоже стоя, почтили память Героя.

Истоки героя

Классный руководитель Людмила Лазарева

1

Время шло. Я часто поминал летчика, не сомневался, что его помянули на девять дней, потом – на сорок, а оказываясь около Коминтерновского кладбища, подходил к могиле летчика и замечал: вот спал снег, вот на деревьях появились почки, вот пробились листочки, и, наконец, округу залило зеленым цветом.

После зимы в свои права вступила весна.

Мысли о Романе не покидали...

И вот во второй раз пришел в его родную школу.

Медленно поднялся по ступеням, остановился на крыльце.

Над дверью увидел яркую доску.

Ее прежний куцый вид изменился.

Вместо скупых слов «... средняя школа...» появилась фраза:

«... средняя школа имени Героя Российской Федерации Филипова...».

И фотография офицера и звезды Героя.

Я понял, именно ее передал школе губернатор во время митинга.

Невольно вытянулся, как в строю.

А сбоку от входных дверей на прежде голой стене висела мраморная доска. На ней отливались изображения летчика в экипировке пилота, заходящего на посадку самолета, и текст:

«В школе... в 1991–2001 г.г. учился Филипов Роман Николаевич, военный летчик, героически погибший при выполнении воинского долга».

Подумалось: школа теперь Филиповская, а школьники – филиповцы.

Зашел в кабинет к директору школы. Она внимательно выслушала меня, узнала о моем желании написать о Романе и пригласила классного руководителя бывшего ученика.

«Лазареву Людмилу...» – понял я, вспомнив репортажи с прощания.

Мы с учительницей сели в ее классе, и начался наш разговор. Мне хотелось сначала узнать про нее, кто она, ведь именно от учителя зависел характер паренька, да и кто, как не она, могла поведать о своем подопечном. Поэтому, к удивлению Лазаревой, спрашивал про нее. Она смущалась, не хотела отвечать, но я настаивал и узнавал, что Людмила Георгиевна родом из Тербунского района Липецкой области, училась в Горожанке в средней школе.

«Это на Дону» – я знал старинное, с богатой историей село на реке.

Вспомнил даже барский дом, завидный по прежним временам.

По окончании школы она решила пойти в учителя иностранного языка в Воронежский педагогический институт. Когда я поинтересовался, почему именно в учителя иностранного, она сказала:

– Иностранный язык мне нравился. У меня все предметы хорошо шли. У меня русский язык хорошо шел. У нас директор школы – он потом был директором института повышения квалификации Фролов Вячеслав Васильевич, затем защитил кандидатскую, докторскую диссертацию. Академиком был. Умнейший человек. Он литературу и русский вел. Потом работал в Белгороде в пединституте. Но когда мы в десятом классе писали диктант, он приглашал меня к себе в кабинет, клал стопку диктантов и говорил: «Проверяй». Я проверяла работы одноклассников.

Вот какие педагоги учили Романа.

У него были высокие оценки.

Лазарева:

– Он практиковал самоуправление. Старшеклассники были ответственными за все. По принципам Макаренко. Мы у него были ассистентами, консультантами. Я была консультантом. У меня была группа отстающих, ну слабеньких по русскому языку, и мы после уроков два дня в неделю с ними оставалась и занималась языком. И помню, приезжал инспектор из облоно, и мне сказали: «Проводи занятия». И я, как настоящий учитель: «Иванов, к доске». «Сидоров, читай». И мне инспектор: «Деточка, ты молодец. Ну, называй их по именам». А я боялась, знала, что она требовательная.

Я слушал с огромным вниманием. Сам учился в колмогоровском интернате⁴, и мы так же подтягивали слабеньких. И чувствовал, что забота о ближнем непременно от учительницы передавалась Роману.

Лазарева рассказывала:

– Школа в Горожанке была оборудована. У нас был лингафонный кабинет. Пульт. Наушники. Кабинки отделены пластиком. И когда нам давали задание что-то прочитать, учитель мог пульт включить и послушать. Интересная школа. Я ходила на кружок иностранных языков. Два раза в неделю с нами учитель занимался.

«Прямо вузовское обеспечение», – подмечал я.

И узнавал от Лазаревой:

– Кружок по химии. Мы выращивали какие-то кристаллы. Мы там делали фигурки из проволоки и опускали в раствор...

У Романа тоже были высокие оценки по химии.

Людмила Георгиевна:

– Учитель по физкультуре. Ходила на лыжную секцию. У меня хороший результат по лыжам. Два раза в неделю ходила. Нас две девочки, остальные мальчишки. И помню, зима, ушли километра два-три от школы. Мальчишки с крутого склона катались, – говорила смеясь. – А мы более пологий склон нашли. И потерялись, не можем дорогу назад найти. Дни-то короткие. Темнеет, но нашлись. Это я к тому, как надо детей контролировать, чтобы не потерялись.

С учительницей у нас наладился доверительный разговор, и это меня радовало.

– Как вы решали, куда пойти учиться?

– Математику я просто обожала. Математикой я просто жила. У нас математику преподавал молодой учитель, потом в облоно работал. Он рассказывал так интересно, я с упоением слушала... Он материал преподносил по-своему... Но его в армию забрали... А после него другая учительница, она все по учебнику. И она потом про меня говорила: «Была у меня ученица, так она сама училась». А я прочитаю параграф. Она: «Поняла?» – «Поняла». – «Решай задачи». Я решила, она: «Читай следующий параграф...» И вот так я на два-три параграфа впереди класса шла.

В интернате, где я учился, по математике такая же была система. Кто освоил тему, решал и шел дальше. Разве что теоретическую часть нам рассказывали учителя, а бывало, на лекциях и сам академик Колмогоров.

2

Лазарева:

⁴ Спецшкола-интернат физико-математического профиля при Московском государственном университете имени А.Н. Колмогорова.

– А почему на иностранный пошла. Комиссии если приходят, все русский, математику проверяют, а до иностранного руки не доходят. Вот и решила – в Воронеж в педагогический на иняз. На немецкий, а второй английский. У нас прилежных студентов заселяли с иностранцами: вьетнамцами. Мы их учили, как вести себя. У них же тогда шла война. И они когда пришли, нас распределили по комнатам: две русские – две вьетнамки. И чтобы прививали им культуру. Они не знали, как одевать пододеяльники. Они вот приходили, как ласточки на проводах, падали и наблюдали, как мы что делаем... Совсем не подготовлены в быту...

– А после института?

– После института распределили в Горожанку. Работала там и классным руководителем. Там случился несчастный случай, дети подорвались на 9 мая. Дети не совсем были под контролем, переплыли Дон и там нашли что-то на берегу, костер зажгли и... Причем те учителя, которые в возрасте, они не захотели дальше работать. И нас, молодых, поставили и воспитателями, и классными руководителями... Там дети, которые из семей необеспеченных. Родители лишены родительских прав. Их так жалко было...

Вот каким содержанием наполнялся учитель, которое впоследствии накладывалось на Романа.

– Долго вы там проработали?

– Два года.

– А потом?

– Потом в Воронеж. В пединституте на кафедре иностранных языков. Но там занятия до 16 часов и пока трамвай дождешься, а дома дети, пришлось уйти.

– А как пришли в 85-ю школу? – я спросил про последнее место работы.

– Мы здесь в соседнем доме жили. И в 1994 году пошла работать сюда...

– Когда-то на месте школы аэродромное поле было...

– Да-да... И здание аэропорта недавно снесли... Так жалко...

Символично, что школа стояла на аэродромном поле, откуда взлетали и куда садились самолеты.

Теперь я перешел к Роману.

Лазарева:

– Он в школе с 1991 года... А мне в 1994 году как раз дали пятый класс. Это был класс доверенный. Лучший. Класс с углубленным изучением математики. В пятом классе из трех классов выбрали ребят и вот в этот. И по итогам 11-го класса было пять серебряных медалистов и один золотой. В классе выпускался тридцать один человек. Все хотели в этот класс. Семь лет я вела 5, 6, 7, 8, 9, 10 и 11-й классы.

Людмила Георгиевна показала фото:

– Вот Роман. Маленький. Трогательный. Застенчивый был. Это он только в 10-й класс пришел. Закончил 9-б класс и, видимо, уже предполагал, что ему нужны глубокие знания по математике, и он написал заявление, и его перевели...

Я рассматривал десятиклассников. В первом ряду сидели мальчишки, а Роман скромно сидел справа. А сзади стояли девчонки с двумя мальчишками, кто не поместился на скамейке. У всех взгляд какой-то устремленный вперед.

Словно предвидя мой вопрос, Людмила Георгиевна показала второе фото.

– А вот они через год 1 сентября. 11-а класс. Вот Роман сидит. Скромный. Немногословный...

Казалось, мало что изменилось в ребятах, разве что они поменялись местами. Но все равно чувствовалось, что они еще мальчишки и девчонки, хотя повзрослевшие. В их взглядах появилось что-то новое.

Более уверенно смотрел Роман Филипов.

– А как Роман учился?

Лазарева:

– Мне учитель – он учился в параллельной группе английского языка – говорит: «Вот приходят и начали: ой, да у нас сегодня контрольная по алгебре, ну, пожалуйста, не спрашивайте, мы в следующий раз вам ответим. Ну, пожалуйста, ну можно?» Она: «Ну что, не готовы?» – и: – «Филипов, ты готов?» Он: «Я готов».

– Не выпячивался.

– Еще проходит какое-то время, и она про них: «Ой, да у нас, такая тяжелая то ли контрольная, то ли зачет. Ну, можно, ну, пожалуйста». Она: «Что, и Филипов не готов?» Он: «Я готов». – «Правильно, я знаю: Филипов всегда готов».

– Он в этом классе занимался? – оглядел классную комнату.

– У нас кабинетная система: математику в классе математики, физику – в физике, литературу...

– Вы с 5-го класса вели класс... Что это за класс?

– Они детки сплоченные. Пытливые. Мальчишки всегда в свободное время гоняли в футбол. Есть время свободное – футбол. Где-то перемена – футбол.

3

– И как у ребят сложилась жизнь?

Людмила Георгиевна снова взяла фото:

– Второй ряд в центре – Людмила Георгиевна Лазарева, третья справа – Оля Смorchкова.

Верхний ряд – слева направо Александр Бондаренко, третий слева Вадим Назаритян, Таня Макеева, Артур Твожыдло, Дима Григорьев.

– Недавно заходил Саша Бондаренко. Он сказал, что окончил институт, работает в Москве. Вадим Назаритян. Тогда еще входили в моду компьютеры. Сотовые... Вадим Назаритян и Влад Соколов, сидит рядом с Романом, были две знаменитости в школе. Они компьютерщики. Если даже ломался телефон, компьютер, приглашали их. Они что-то делали, настраивали. Вот Таня Макеева. Она окончила школу с серебряной медалью. Теперь – мединститут и работала в БСМП врачом-неврологом. А сейчас в клинике тоже неврологом. Вот этот с золотой медалью Артур Твожыдло. Папа у него чистокровный поляк. Неизменный староста в нашем классе с пятого класса. Рядом с Артуром Дима Григорьев. Работает в Воронеже инженером. Смorchкова Оля тоже окончила мединститут.

Дети нашли себе место в жизни.

– А в армию пошел кто-нибудь? – спросил.

– Кроме Ромы?

– Да.

– В военные – нет.

– А кто дружба у Романа?

– Он дружил с Сашей Бондаренко и Ереминым Денисом. Они как раз втроем пришли. Они пришли из другого класса. Когда Саша Бондаренко недавно приходил, я спросила: «С кем Рома дружил больше всего?» Он ответил: «Да со мной». Но вообще, чтобы в классе кого-то Роман выделял, не было.

Достала еще фото:

– Вот Гриша Наливкин, Роман и Артем Березуцкий. Гриша политехнический институт, кажется, окончил. Артем Березуцкий закончил мединститут.

Я спрашивал:

– А была девушка у Романа?

– Чтобы с девочками встречаться, нет. Время другое было. Я помню, мои сыновья: девочки ходят по стадиону под ручечки, а они не обращают внимания, по футбольному полю гоняют мяч. Все пыльные. Одни в информатике с головой. Другие в учебе...

– А родители? – спросил.

Лазарева:

– Папа Ромы военный. Был в горячих точках. Летал. И он для него был образцом. Семья очень интеллигентная. Я вот открыла ежедневник. 11-й класс. Родительский комитет. Четыре женщины и Филипов – один мужчина. Их же никого туда не затащишь: работа, занятость. А он был безотказный. Позвонила, попросила, он пришел и помогал. Ремонтировал мебель. Ответственный. Мама у Романа главная медсестра в больнице. Доброжелательная, приятная женщина. Младшая сестренка здесь училась. Лет на шесть он ее старше.

– После окончания школы Роман сюда заходил?

– Приходил после первого курса. В форме. Со всеми общался.

– А что для вас этот класс? Вы же еще выпускали...

Лазарева:

– Конечно, сильный класс. Интеллигентные семьи родителей. Практически у всех высшее образование. И дети тоже, умненькие такие. Сейчас ведь другое время. Приглашаешь маму, а она: «Ой, я на трех работах работаю. Мне надо его обуть и накормить».

– Понятно, руки до другого не доходят.

– Раньше ведь не было такого. Там занимались. И были кружки бесплатные. И хотя и непростой, переходный период в стране, но все равно еще старые традиции в семье сохранялись. Что ребенка надо воспитывать. А теперь главное: накормить, одеть, обуть. Экономическое положение такое в стране. Были еще хорошие выпуски, но этот класс и для школы очень...

– Я был на прощании, и идут последние два старых мичман и гражданский и обсуждают: как бы каждый поступил в ситуации Романа.

Лазарева:

– Я думаю, он в такие рамки был поставлен, что иначе нельзя. Он не смог... Вот он даже когда ребенком был, он такой – честный, порядочный, прямолинейный. Он не привлекал на себя внимание. «Я – вот столько сделал!» Он жил как-то тихо, спокойно, но очень ответственно.

– Он не поднял руки... – Я говорил о последних секундах жизни Ромы.

– Подними руки, а что дальше? И перед кем поднимать руки, перед этими нелюдьми...

– А ведь поднимали в Чечне, – я мог привести много примеров, в том числе моих коллег по милиции.

– Вы знаете, чем унижаться перед ними, руки поднимать, так лучше с честью погибнуть... А там знаете как, там не было времени на раздумья. Там просто что было в нем, то и выплеснулось. Вот такой, какой он был, там некогда думать, руки поднять. Это он сам. Вот есть он такой, он так и поступил. А был бы другой, может, и иначе... Тут доли секунды...

Мы долго говорили.

Слушая учительницу, я все лучше понимал Романа, как и то, почему он такой. Видимо, с ее стремлением учиться, с опытом Макаренко, заботой о ближнем в школьные и студенческие годы, возрастал будущий педагог, что потом передалось и ее ученику – самоотверженному летчику.

Встретился я с Людмилой Георгиевной 7 июня. Вспомнил репортаж о прощании в Доме офицеров:

– Вы выступили на митинге...

Лазарева смущаясь:

– Накануне меня пригласили и попросили выступить. Сказали, военные, другие будут говорить, как о войне, как о Герое России, как о летчике, а вы скажите, как о простом человеке. И вот в зале юнармейцы, военные...

Я помнил, как промерзших школяров провели в Дом офицеров.

Лазарева:

– Перед гробом Звезда Героя на подушечке. Мы все стояли Панков, Сурувикин... За ними директор школы, я... Не доходя до гроба метра два выходили и говорили. И я почти в конце...

Я упросил вспомнить ее слова.

Лазарева:

– Я начала свою речь: «Мы сегодня прощаемся не только с Героем России, с летчиком, но и с простым русским парнем, который жил среди нас, которого мы обучали на протяжении десяти лет, – заметила: с 3-го переходили сразу в 5-й класс, поэтому десять лет. – Болью и скорбью переполняются наши сердца. Мы помним Романа, как отзывчивого, очень исполнительного, обязательного, честного, порядочного парня. Он был не по-детски серьезен, и вместе с тем светлым мальчишкой с обаятельной улыбкой. Низкий поклон Николаю Серафимовичу и Ирине Викторовне (родители. – *Авт.*) за то, что они воспитали в сыне чувство ответственности за поступки. Преданность профессии. Все то, что помогло ему в самый страшный час принять такое решение и своей смертью обрести бессмертие. Вечная память...» Волнительно очень было...

Да, волнительно.

Таких бы учителей всем школьникам.

Учитель математики Инна Литвинова

1

Людмила Григорьевна меня проводила в класс математики и представила другой учительнице Романа – Инне Никитичне Литвиновой. И я с ней беседовал.

– Инна Никитична, вы в 85-й школе давно работаете? – спросил.

– Да, практически с основания. С 1979 года. Сначала построили 10-ю гимназию, тогда среднюю школу номер 7⁵. В три смены занимались в ней. Эта школа просуществовала где-то два года и открылась вот эта.

Я знал, что в 70-х в Воронеже активно строился Северный микрорайон, где выросла и школа № 85.

Оказалось, Инна Никитична Литвинова, как Людмила Григорьевна Лазарева, из глубинки, только из Добринского района Липецкой области, также окончила Воронежский педагогический институт.

Я спросил:

– А почему в математики пошли?

– У нас учительница была прекрасная – Раиса Яковлевна Путилина. Необыкновенный человек, необыкновенный учитель. Мы все в нее были влюблены.

Вот откуда брались учителя Романа Филипова!

Ученики прекрасных учителей.

⁵ Средняя общеобразовательная школа № 7 города Воронежа основана в 1976 г. Это была первая школа, построенная в Северном микрорайоне города, который захватил территорию аэропорта.

Мне радостно было слышать, как она отзывалась о своих педагогах. Видимо, такое же уважение от нее исходило тем, кого учила.

– Получается, вы из сельской школы...

– Да...

Из сельских школ вышло много настоящих профессионалов своего дела, людей, не только отличившихся в труде, но и двинувших вперед науку, искусство и литературу. Сельские школы походили на школы в военных гарнизонах, в которых учился я и понимал их особую ценность.

Литвинова:

– Спрашиваете, почему пошла именно в школу работать? Потому что всегда работала с детьми, когда в школе училась. Мне это нравилось. Тогда же пионерская организация. Была председателем совета дружины. Комитет комсомола. То есть такая закалка – все время пропадала в школе... В пединститут поступала – конкурс был три человека на место. Поступила на физико-математический факультет. Было отделение математическое и отделение физическое. Но я выбрала математическое, потому что очень любила учительницу.

– Куда вас распределили после института?

– У меня уже был ребенок, муж с высшим образованием, и меня не распределяли. Год после института просидела с дитем, а потом пошла в районо и меня направили в 8-ю школу в Воронеже. Проработала два года – это было место, пока кто-то в декретном отпуске. А потом перевели меня в 51-ю школу, там проработала два года и по совместительству работала в 57-й школе, потому что не было нагрузки. А потом открылась 7-я школа, теперь 10-я гимназия, и я перешла в эту школу в 1977 году. А потом в 85-ю. Тут я всего 39 лет...

От одной цифры 39 лет захватывало воображение:

– Это же почти два раза по 20! Две пенсии...

Многие мои коллеги по армии и по милиции уже два раза бы ушли на пенсию.

– А какой контингент учился в школе?

– Пришли, конечно, всякие дети...

– Район ведь только заселялся.

– Дети хорошие, ответственные, относились к учебе добросовестно. Несмотря на то, что у нас были смены, было больше 1800 детей. Были «трудные» – из неблагополучных семей. Все было. Ну а потом все как-то рассеялось-рассеялось.

Я сам в 70—80-е работал в этом районе в райкоме комсомола, и мы занимались «трудными» подростками. Поэтому понимал, сколько психологической и физической нагрузки легло на учителей.

– Как вы стали учителем у Романа?

– Так совпало, что эта параллель попала ко мне. Я вела у них математику с 5-го класса. Такой белобрысенький, спокойненький, любознательный, тихенький. Он сидел в этом ряду где-то за третьим столом.

У меня невольно прозвучало в голове: «филиповская парта». Если бы школьники знали, за какую сажают парту, воспринимали бы предмет по-особому.

Литвинова:

– Я вела у них математику с 5-й по 11-й класс... Семь лет... Вы знаете, он не выделялся... Или, извините, не рвался вперед, или звездой не был... Нет, он учился ровно. Хорошо. До 8-го класса они все шли вместе. А после 8-го создали математический класс и просто класс. Ну, как математический. У нас как такового математического не было. У нас просто на один час было больше математики. И он решил, что пойдет в математический класс. Там подобрались ребята серьезные, которые хотели учиться. Они все с увлечением занимались. У нас с ними были то ли общие интересы, там не было детей, которые бы баклуши били. Которые бы пришли на урок, посидели, и все. А эти нет, им все время что-то выяснять, разбирать...

2

Я спрашивал:

– Но это после 8-го класса. А до него?

– Был факультатив. С 5-го класса. Я собирала со всех 5-х классов ребят, и мы какие-нибудь интересные задачи решали. Что в школе не проходится. Кто-то читал доклад, кто-то что-то. А потом они сами решали, о чем проводить урок. Чтобы им интереснее было. Вот не то что я им навязываю, а: вот такая-то тема, вы, пожалуйста, подберите задание. Вот кому-то если непонятно что-то было, мы эти задачи и разбирали. И этот дополнительный час – они крутятся, вертятся. У каждого свое задание. У каждого своя разработка. Каждый со своим. У кого-то не получается, все вместе садимся в кружок и начинаем разбирать: откуда, чего. Докопались? – Докопались. Пошли дальше. А не докопались – копаемся дальше. И вдруг кто-то на следующий день, не дожидаясь урока, говорит: я решил...

– Рома на факультатив ходил?

– Конечно... А в старших классах, когда перешел в сильнейший класс, тут уж он явно определился. Сказал: мне математика нужна будет. Физика, ну, естественно, русский. Он-то сам скромный мальчишка, молчал, а ребята рассказывали, что папа у него летчик, что военным захотел... Он хороший, жаловаться было не на что, папу, маму не вызывала, поэтому с родителями не общалась...

– А по характеру Роман какой?

– Вы знаете, он упорный. Он решил: будет так, и он этого добьется. Я могу сказать, что никогда не задирался ни с кем. Ребята к нему относились с уважением. На кого-то наезжают, кого-то толкают, кого-то там дергают, а его никогда никто не беспокоил, и если где-то какие неурядицы, он мог все развести. Он мог сделать так, что все мирным путем разрешится. И к нему с уважением относились.

– Мальчишечьим.

– И девчонки на него с доверием поглядывали. Если над кем-то могли подсмеяться, подшутить, то нет – с ним все ровно, спокойно, тихо... А потом уже говорил, что хочет в военное летное училище. Я думала: в воронежское, а он говорит: нет... Он жил рядом. И с мальчишками они в футбол гоняли и до уроков, и после уроков, и во время физкультуры...

– Голову прочищали. Ведь задачки. Занятия...

– Конечно, они уставали. Не подавая вида, но уставали. Занимались в 10-м и 11-м по учебникам Колмогорова...

Я обрадовался тому, что ребята осваивали математику по учебнику академика Андрея Николаевича Колмогорова. Сам в 1969—1971-м учился в интернате, слушал его лекции.

Роман Филипов тоже получал уроки академика!

– У нас занятия проходили по-разному. Когда-то дети работали парами. Когда коллективно. Когда-то вообще круглый стол. Когда-то семинар. Дашь задач двадцать, и вот они решают. Причем задачи решаются по-разному. Одни одним путем, другие другим путем. И вот одна задача, спрашиваю: сколько решили? Вот, четверо подняли руки. К доске – разбираем, какое лучшее решение.

– Роман боялся стоять у доски?

– Нет. Он всегда чувствовал себя нормально. Уверенно. Если вдруг не получалось, застенчиво опускал голову. Спросишь: «Ром, ты что?» Он: «Да я вот тут что-то...» – «Погляди получше. Вот так не пойдет?» – «О, точно...»

– У этой доски? – показал на доску на стене.

– Да...

Я слушал и представлял белобрысого паренька, который то сидел за третьей партой в среднем ряду, то выходил к доске.

И спрашивал-спрашивал:

– А после окончания школы приходили?

– Дети очень отзывчивые, внимательные. Уже после того, как поступили, приходили в школу. И Ромка сам приходил. Помню, пришел в военной форме. Всех нас проведаль, со всеми нами пообщался. И вот его сестра говорит: «Последний раз, когда он приезжал, они собирались переезжать в Воронеж (Роман должен был в 2018 году поступать в Военную академию в Воронеже), о всех учителях расспрашивал, о школе...» Благодарность всегда шла от него.

Мы говорили, пока наш разговор не прервался.

Инна Никитична собиралась на улицу: там готовили сквер под установку памятника Роману Филиппову.

Выйдя из школы, я свернул к скверу. Удивила пустота ранее заросшего деревьями и кустарником пространства.

Красили школьный забор. Сгружали с грузовика плитку. Мусоровоз собирал куски старого асфальта. Трамбовали дорожку и засыпанную щебенкой площадку.

Я понимал: здесь установят памятник.

И радовался: жизнь Романа Филипова продолжалась.

Одноклассник Романа

Мне удалось пообщаться с Сашей Бондаренко, с которым Рома учился в школе.

Саша Бондаренко рассказал:

– Я пришел в школу 85 в 6-м классе, их было три. В 6 «в» учился. Потом перешел в «б», и в «а». Жил в доме рядом с высоткой, где Рома, и с ним учился с 7-й по 11-й класс.

– Что за класс у вас был?

– Если 10-й и 11-й, то класс «а» математический, а «б» – русский язык и литература. Мы в «а» перешли с Романом. У нас уже цель определенная была. Я экзамен по математике сдавал, Рома тоже. Я, как и он, специалист по самолетам. Но он летчик, а я – инженер-конструктор. Окончил Воронежский технический университет, факультет самолетостроения. Работаю в Москве в Ильюшино – военно-транспортная авиация.

Друзей свела авиация.

Бондаренко:

– У меня была мечта летчиком стать, но она не осуществилась. По здоровью не прошел. А у Ромы все сложилось. Он не рассказывал, но готовился очень долго. И физически. Наверно, класса с 9-го начал бегать. Никому не рассказывал, куда он хочет. Я знал, что у него отец – военный летчик. Видимо, поэтому он и решил.

– Вы дружили?

– Я не скажу, что мы были лучшими друзьями, просто по характеру мы были близки. Не такие активные, а даже немного замкнутые. Каждый на своей волне. Может, целенаправленные несколько. Мы как-то по характеру вместе держались. Он спокойный, я – спокойный.

– Вместе сидели?

– Нет, отдельно. Через парту.

– Он на математике в среднем ряду на третьей, – вспомнил я разговор с Инной Никитичной Литвиновой.

– Я – на пятой.

– А какие интересы были у Ромы?

– В футбол. А так гуляли вместе. Дворы-то рядом. К нам Гриша Наливкин (одноклассник. – *Авт.*) приходил. Ну, как обычно, пацаны выбегают, и в снежки... Ничего особенного.

– Мне учитель говорила, что Рома разруливал ситуации.

– Не то что разруливал. Мы в стороне как-то держались. Просто на него никогда никто не наезжал. Он всегда отпор давал. Он держался в стороне от этих всяких дел. Никогда не лез. Я не помню, чтобы он с кем-то на кулаках...

– Класс продвинутый.

– Сильный. У нас дополнительно математика, информатика. Дополнительно день выделяли. Тогда кто на права учился, кто на что. А наш класс – четыре часа математики и два часа – информатики дополнительно. Мы с Романом в учебу лезли, поэтому времени гулять не было.

– А девчонка у Ромы была?

– Я могу сказать: у него учеба на первом плане. Серьезный. Он в старших классах полностью ушел в учебу, у него ни до чего времени не было.

– Наверно, качался, ведь в военное училище...

– Я знаю, что он бегал. Он меня звал.

Я достал фотографию учителей.

– Вот Валентина Андреевна Сухарева, – показал на фото радостной учительницы в верхнем ряду крайнюю слева.

Саша:

– Учитель биологии. Хорошо знаю. Очень хорошая учительница, одна из немногих. Очень хорошо объясняла. Всегда веселая, улыбчивая.

– А если ученик проштрафился?

– Она к этому лояльно относилась.

– Нина Николаевна Остроухова. – Я показал на следующее фото в верхнем ряду.

– Учитель истории. Своеобразный человек, она жесткая такая. Часто не в настроении.

– Не повезло...

– Нет, она нормальная, как учитель. Объясняла, но она жесткий учитель. Строгая. Требовательная. Мы с Ромой не очень по истории блистали. В 9-м классе у нас историю преподавал директор.

Я смотрел на следующее фото – Константина Константиновича Борзунова.

– Это история как раз с дореволюционных времен до современных. Директор – закаленный коммунист. У него свои непоколебимые взгляды были.

– Это могло повлиять и на оценку.

– Кстати, да. Если начинал что-то свое, то... Все время про буржуев плохих говорил...

– А родителей в школу вызывали?

– Нет, только на родительские собрания ходили. А чтобы насчет нарушений – такого не было.

Я понимал: проблем родным друзья не доставляли.

– Людмила Григорьевна Лазарева? – показал на фотографию после фото директора.

Бондаренко:

– Она немецкий язык преподавала, а мы с Романом английский изучали. Она как классный руководитель – распоряжения разные. Нас опекала...

– А вот Валентина Владимировна Хорошилова, – следующее фото.

– Она вела у нас с Ромой английский. У меня всегда «хорошо», да и у Романа никогда проблем не было. Тоже строгая учительница.

Я перешел ко второму ряду учителей:

– Светлана Степановна Лунина, – показал на крайнее слева фото.

– Вела химию. Она очень своеобразная, на своей волне. Она по-своему вела предмет. Рассказывала то, что считала нужным. И достаточно строгая. Каждый ее урок обязательно начинался с пятиминутки. И обязательно формулы. И заставляла наизусть учить таблицу Менделеева. Знать особенности каждого элемента. И каждого спрашивала всегда.

«Требовательная».

– А Ольга Анатольевна Насонова? – следующее фото.

– Физкультуру вела. Был еще Александр Иванович, вот они вдвоем. Хорошие физкультурники. Они никогда не наказывали излишне. Справедливые.

– Говорят, вы любите гонять в футбол.

– Даже целые уроки посвящали футболу. Но я в футбол никогда не играл. Я бег предпочитал.

– Следующая Валентина Фроловна Воронова.

Александр:

– Очень хорошая. Она у нас была классной руководительницей до 9-го класса. В 7, 8, 9-м. И вела русский язык, литературу в 10-м и 11-м. Валентина Фроловна, если мы что-то не дочитали, она рассказывала содержание, водила нас в кинотеатр – смотреть фильмы по произведениям. Это в том случае, если мы прочитать не успели. Многому нас научила. Вроде не строгая, но воспитывала. Не то что ругать, шуметь, а объясняла, что так делать нельзя. Жизненные ситуации рассказывала, что у нее в семье происходило. Примеры приводила всегда...

– Инна Никитична Литвинова? – я двигался по фотографиям.

– Математик. Замечательный учитель. Она еще моей маме преподавала математику. И теперь моей дочери. Она строгая, но справедливая. И всегда настолько хорошо объясняла, что понятно становилось. Если что-то, то к ней можно было обратиться. Она не просто: отстань, сам читай. А всегда все объяснит.

– Анна Владимировна Лазарева? – я показал на последнее фото.

– Физику вела. Строгая. Она нас к экзаменам готовила, кто добровольно физику пошел сдавать. Мы же выбирали предметы. И вот в 11-м классе она заставляла нас приходиться за полчаса до уроков и рассказывать по одной теме, чтобы подготовиться к экзаменам. Она такая тоже, обязательная.

– Не ограничивалась урочным временем.

– Из учителей «мамы родные» были?

– Валентина Фроловна и Инна Никитична – это два учителя. У них всегда по любому вопросу и в любое время...

Конечно, я понимал, что и другие учителя вкладывали свои души.

– А как отнеслись учителя к вашему с Ромой выбору?

– Я помню, что учитель математики и физики. Потому что выбор они наш знали. И, наверно, узнав его, стали с нами больше заниматься.

– Ну, а во дворе ведь всякие пацаны...

– Да были, но мы как-то мимо хулиганов... Чтобы мы куда-то попадали, не было. Мы жили другим...

Собранные ученики.

Строгие, требовательные и вместе с тем безотказные учителя. Наставники будущего летчика.

Дед Романа

После знакомства с учителями и одноклассником Романа я хотел теперь узнать его корни. И узнавал... Дед Романа по отцу Серафим Маркелович Филиппов⁶ родился и до войны жил и

⁶ Серафим Маркелович Филиппов (3 февраля 1912 г. – 9 февраля 1996 г.), фронтовик, воевал в мотоциклетном полку. Гвардии ефрейтор. Награжден орденом и медалями. До войны и после войны работал водителем на заводе.

работал шофером в селе Елизаветино Клявлинского района⁷ Куйбышевской, ныне Самарской, области.

Сразу замечу, что фамилии внука и деда отличаются потому, что, как мне рассказал отец Романа, Николай Серафимович Филипов, при заполнении его свидетельства о рождении одну букву «п» упустили. И он с тех пор стал Филиповым, как и потом его сын Роман.

Из Елизаветино Серафима Филипова на второй день войны призвали, и он воевал в мотоциклетном полку. Иными словами, в мотопехоте.

С полком прошел Белоруссию, дошел до Кёнигсберга.

В Центральном архиве Министерства обороны Российской Федерации имеется приказ № 620 по войскам Третьего Белорусского фронта «О награждении личного состава» № 0620 от 18 августа 1944 года⁸, где читаем:

«От имени Верховного Совета Союза ССР, за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом доблесть и мужество НАГРАЖДАЮ:

... ОРДЕНОМ СЛАВЫ ТРЕТЬЕЙ СТЕПЕНИ...

п. 32. Гвардии ефрейтора Филипова Серафима Маркеловича, шофера 2 Гвардейского мотоциклетного Ярцевского полка⁹.

Командующий войсками Третьего белорусского фронта генерал армии Черняховский...»

В том же архиве хранится наградной лист¹⁰ на гвардии ефрейтора Филипова Серафима Маркеловича. В нем написано:

«Представляется к ордену “Красная Звезда”. Год рождения 1912. Национальность мордвин... Кандидат в члены ВКП(б) с августа 1943 года... в гражданской войне не участвовал, в Отечественной войне на Западном фронте с октября 1941 года. Ранений и контузий на Отечественной войне не имеет. В Красной армии с 23.06.1941 г. Призван Камышлинским РВК Куйбышевской области.

Ранее награжден медалью “За боевые заслуги” пр. № 07/л от 28.07.43 г. 31 арм. Зап. Фронт».

Выходит, Серафима Маркеловича Филипова в 1943 году наградили медалью «За боевые заслуги».

Далее в наградном листе идет описание подвига:

«Гв. ефрейтор Филипов С.М. в боях по уничтожению немецкой группировки в районе Витебска, будучи шофером 25–26—27 июня 1944 г. под сильным огнем противника подвозил боеприпасы на “ОП”, ввиду чего взвод не имел недостатка в боеприпасах. При контратаке немцев он вступил с врагом в рукопашную схватку, уничтожил из личного оружия 7 немецких солдат и в целостности вывел машину из окружения врага, где проявил доблесть и мужество.

⁷ Клявлинский район расположен в северо-восточной части Самарской области и граничит на севере с республикой Татарстан, на западе – с Шенталинским и Исаклинским районами, на юге – с Камышлинским районом, на востоке – с Оренбургской областью. Протяженность района с севера на юг 35 км, с запада на восток 38 км.

⁸ ЦАМО. Ф. 33. Оп. 690155. Ед. хр. 2263. № записи 31622755.

⁹ 2-й Гвардейский мотоциклетный Ярцевский полк образован из 46-го отдельного мотоциклетного полка 27 апреля 1942 г. За отличия при прорыве сильно укрепленной оборонительной полосы немцев и освобождение городов Духовщина и Ярцево получил наименование Ярцевский. 27 апреля 1944 г. за образцовое выполнение заданий командования в боях по прорыву Витебского укрепрайона немцев, овладение городом Витебском награжден орденом Красного Знамени. За прорыв обороны немцев в районе Мазурских озер и овладение рядом городов награжден орденом Александра Невского.

¹⁰ ЦАМО. Ф. 33. Оп. 690155. Ед. хр. 2263. № записи 31622755. Приказ № 620 ВС 3 Белорусского фронта от 18.08.1944.

*Достоин правительственной награды ордена “Красная звезда”.
Гв. ефрейтор Филиппов С.М. находится в строю.
Командир полка
Гв. майор (Кунин)
30 июня 1944 г.».*

Филиппов представлялся к более высокой награде ордена Красной Звезды и причина изменения вида награды неизвестна. Может, на всех претендентов не хватило орденов Красной Звезды, может, произошла ошибка, но командир полка представлял гвардии ефрейтора к ордену Красной Звезды, хотя и орден Славы 3-й степени тоже высокая награда.

Отец Романа Николай Серафимович Филиппов при встрече со мной (встреча произошла у него дома 9 июня 2018 года) рассказывал, что его отца под Кёнигсбергом ранили в руку и ее чуть не оторвало. Если бы не конец войны, ее бы отрезали, а тут зашили, забинтовали и отправили в госпиталь. Со временем рука частично восстановилась, и он мог ей работать. Подвижными остались и сохранили работоспособность два пальца из пяти, и до пенсии Серафим Маркелович Филиппов проработал водителем.

Николай Серафимович вспоминал:

«Мы спрашивали: “Бать, ну ты расскажи про войну”. Он: “Лучше вам не знать”. После окончания войны приезжал в Елизаветино корреспондент из Белоруссии и фотографировал отца и писал о нем. Я знаю, что у него был второй орден Славы. Я орденские книжки открывал. Ордена и медали мать хранила в кисете. Но куда они делись, не знаю».

И он заканчивал: «У нас какая-то мистика: Ромка погиб 3 февраля. А дед 3 февраля 1912 года родился».

Отец Романа

Теперь об отце Романа. Николай Серафимович Филиппов родился 29 октября 1953 года, где и его отец, в селе Елизаветино, которое меняло название и одно время называлось Черемушки.

Дело в том, что по селу протекает речка Уксада¹¹, которая впадает в реку Сок, а та уже – в Волгу. И вдоль речки Уксады растет черемуха.

В семье Филипповых было двенадцать детей. Десять сестер и два брата. Николай Серафимович по возрасту четвертый, если брать с самого младшего. С выбором профессии определился в школе. В десятом классе написал в военкомате рапорт, что хочет поступить в военное училище. Хотел в Армавирское летное училище, но разнарядки туда не оказалось, и ему предложили в Челябинское. Прошел комиссию. И в 1971 году поступил в Челябинское высшее военное авиационное училище штурманов. Проучился там четыре года и в 1975 году его окончил.

¹¹ Фото с сайта <https://sites.google.com/site/enciklopediasamarskojoblastit2/home/gidrographia/uksada-r>

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.